



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

### **Usage guidelines**

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

### **About Google Book Search**

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

### **Правила использования**

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.  
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.  
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.  
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.  
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

### **О программе Поиск книг Google**

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

**ЖУРНАЛЪ**  
**МИНИСТЕРСТВА**  
**НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

---

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ЧАСТЬ СССХХХІІ.

---

1900.

**НОЯВРЬ.**



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К<sup>о</sup>“. Наб. Фонтанки, 95.

1900.

## СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

А. Н. Шварцъ. Отчетъ о командировкѣ на всемирную выставку въ май и июнѣ 1900 года . . . . .	1
Л. Л—ръ. Письмо изъ Париза . . . . .	37
М. И. Ростовцевъ. Памяти Александра Николаевича Щукарева . . . . .	46

## ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

А. Г. Бекштремъ. Оросій и его петербургскіе опіоки. II—III (окончаніе) . . . . .	49
А. В. Нивитскій. Автофонъ Ваунака . . . . .	81
А. Ф. Эрманъ. Могила Ромула . . . . .	90
ОБЪЯВЛЕНІЯ. . . . .	1—3

Редакторъ Э. Радловъ.

(Вышла 1-го ноября).

---

---

## МОГИЛА РОМУЛА.

Скоро исполнится годъ, съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ случай предложить нѣсколько замѣчаній по поводу открытыхъ въ 1899 г. на римскомъ форумѣ старинныхъ памятниковъ, извѣстныхъ подъ названіями *laris piger* или могилы Ромула. Съ того времени литература о нихъ возрасла до значительныхъ размѣровъ, но новыхъ фактическихъ данныхъ прибавилось немного. Начатыя раскопки на мѣстѣ „могилы Ромула“ не были продолжены. Завѣдующій раскопками, архитекторъ Бони, къ прежнимъ заслугамъ своимъ прибавитъ новую, если онъ сдержитъ свое обѣщаніе познакомить публику съ раскопаннымъ уже матеріаломъ болѣе подробно, чѣмъ это возможно было въ краткомъ отчетѣ, въ свое время изданномъ въ *Notizie degli scavi*. Этотъ новый, болѣе полный отчетъ долженъ появиться въ *Monumenti antichi*, издаваемыхъ римскою академіею *dei Lincei*. До будущаго продолженія раскопокъ, отъ которыхъ можетъ получить освѣщеніе нерѣшенный до сихъ поръ вопросъ о топографіи памятниковъ, особенно желательно получить болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія о такъ называемой *stipe votiva*.

Извѣстно, что вся нижняя площадь, на которой найдены загадочные „постаменты“, конусообразный столбикъ и стела съ надписью, оказалась покрытою довольно толстымъ (въ 0,45 метра) слоемъ, состоявшимъ изъ очень многочисленныхъ остатковъ обѣтныхъ приношеній, а также и жертвоприношеній, указывающихъ на священный характеръ мѣста. Всѣ эти вещи теперь собраны во вновь основанномъ музеѣ римскаго форума, завѣдующимъ котораго назначенъ Савиньони, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ критской археологической экспедиціи. Приготовляя изданіе полнаго каталога найден-

ныхъ предметовъ, Савиньони въ апрѣльскомъ выпускѣ журнала *Notizie degli scavi* за этотъ годъ пока напечаталъ предварительный краткій разборъ. Изъ послѣдняго получается нѣ мало новыхъ данныхъ, важныхъ для датировки слоевъ и расположенія ихъ въ мѣстѣ находженія. Савиньони старается показать, что рядомъ съ массою предметовъ древнѣйшаго происхожденія есть цѣлая группа предметовъ происхожденія поздняго, можетъ быть даже перваго столѣтія до Р. Хр. Общее расположеніе всѣхъ *ex-voto*, смѣшеніе древнѣйшихъ предметовъ съ болѣе поздними, приводитъ Савиньони къ заключенію, что предметы эти не накоплялись въ святильнѣ мало по малу, какъ думали раньше, а были свалены сразу, послуживъ простымъ матеріаломъ для засыпки и уравниенія мѣста. Савиньони обращаетъ вниманіе еще на одно интересное обстоятельство. Большинство предметовъ состоитъ изъ отдѣльныхъ обломковъ, остальные же обломки тѣхъ же предметовъ не найдены въ этомъ мѣстѣ. Слѣдовательно, говоритъ Савиньони, большая часть всего мусора принесена изъ другихъ сосѣднихъ святильнъ и смѣшалась съ остатками приношеній того святилища, гдѣ была найдена. Если это вѣрно, тогда можно заключить, что въ сосѣдствѣ находилась цѣлая группа святилищъ или жертвенниковъ, посвященныхъ разнымъ божествамъ. По всей вѣроятности, однимъ изъ нихъ было не вполне раскопанное еще сооруженіе, которое прилегаётъ къ треугольной площадкѣ съ конусомъ и надписью. Это сооруженіе, извѣстное подъ названіемъ *quadrato coi gradini* или *Stufenbau* — раскопанъ пока только одинъ фронтъ его съ двумя ступенями — Бони и Компаретти отождествляютъ съ древнѣйшими рострами, не подкрѣпляя однако своей догадки ничѣмъ, кромѣ самыхъ общихъ топографическихъ соображеній. Къ той же группѣ священныхъ мѣстъ могла принадлежать еще третья площадка, открытая за площадкою съ „постаментами“ и по своему характеру сходная съ послѣднею.

Мы только-что упомянули о мнѣніи Компаретти. Онъ изложилъ свои взгляды въ роскошно изданной въ началѣ года брошюрѣ „*Iscrizione arcaica del Foro Romano edita ed illustrata da Domenico Comparetti, Firenze-Roma 1900*“. Изданіе это, снабженное планами, иллюстраціями и факсимиле, безъ сомнѣнія, является пока единственной *pièce de résistance* въ литературѣ вопроса, разбросанной по самымъ различнымъ періодическимъ изданіямъ. Изданіе Компаретти, помимо прочихъ достоинствъ, тѣмъ цѣнно, что въ немъ дается новое подробное описаніе памятниконъ, заключающее въ себѣ нѣсколько новыхъ важныхъ фактическихъ данныхъ, отчасти добытыхъ

изъ не опубликованныхъ записокъ архитектора Бони, отчасти же основанныхъ на наблюденіяхъ самого автора. Компаретти, напримѣръ, на нѣкоторыхъ обломкахъ сосудовъ открылъ буквы, которыя по своему палеографическому характеру никакъ не могутъ быть древнѣе III вѣка. Относительно происхожденія такъ называемой *stipe votiva* Компаретти высказываетъ въ сущности тѣ же общіе взгляды, къ которымъ потомъ пришелъ Савиньони. Очень интересно сообщеніе, полученное отъ Бони, что подъ мостовой площадки съ „постаментами“ находится еще не раскопанный слой, совершенно однородный со слоемъ, наполняющимъ пространство надъ мостовою, а подъ нераскопаннымъ слоемъ Бони констатировалъ существованіе древнѣйшей мостовой форума.

Считая вѣроятнымъ, что площадка съ ступенями ростръ принадлежитъ временамъ республики, Компаретти тѣмъ не менѣе съ нѣкоторымъ презрѣніемъ относится къ *profanum vulgus*, который съ ликованіемъ встрѣтилъ воскресеніе изъ нѣдръ земли могилы Ромула или *lapis niger*. Онъ, по видимому, даже не признаетъ существованія такихъ памятниковъ. Изъ извѣстій древнихъ авторовъ о нихъ Компаретти признаетъ единственнымъ вѣрнымъ фактомъ только то, что *pro rostris* были воздвигнуты два льва. Открытые подъ черною мостовою (*lapis niger*?) два плитуса достаточно продолговаты, чтобы на нихъ могло помѣститься по каменному льву. Хотя на самомъ дѣлѣ не найдено ни малѣйшаго слѣда или фрагмента львовъ, пустые плитусы въ италіанской литературѣ уже прямо принято называть *i leoni*. Вотъ въ этомъ-то исключительномъ пунктѣ Компаретти снисходитъ къ мнѣніямъ *vulgi*, соглашаясь съ тѣмъ, что мѣста упомянутыхъ Варрономъ львовъ указаны найденными плитусами.

Невольно у внимательнаго читателя разсужденія Компаретти является вопросъ: почему изъ сообщеній схолиастовъ къ Горацию (*Erod.* 16, 13) Компаретти даетъ вѣру только сообщенію о львахъ *pro rostris*, остальные же извѣстія ихъ называетъ глупостью (*str.* 6 *stupidezza*)? Какое, далѣе, преимущество имѣетъ общепринятое отождествленіе плитусовъ съ постаментами львовъ передъ другимъ общепринятымъ отождествленіемъ черной мостовой съ *lapis niger* могилы Ромула? Почему къ послѣднему выводу Компаретти относится съ презрѣніемъ? Очевидно, такая субъективная критика объясняется тѣмъ, что пара львовъ, находившаяся, по показанію схолиастовъ, *pro rostris* очень подходит къ другому мнѣнію Компаретти, усматривающаго, какъ мы уже говорили, въ *quadrato soi gradini* древнѣйшія ростры.

Послѣдняя же догадка опять находится въ тѣсной связи съ тѣмъ

толкованіемъ надписи, на которомъ остановился Компаретти. Новое изданіе и изученіе ея составляетъ главный предметъ его книги. Толкованіе надписи въ общихъ чертахъ осталось тѣмъ же, какое даво было въ прежней статьѣ Компаретти (*Atene e Roma*, II, Luglio-Agosto 1899). Извѣстно, что онъ содержаніемъ надписи считаетъ запрещеніе, подъ страхомъ смерти, нарушенія святости и оскверненія мѣста. Прежде этимъ мѣстомъ ему представлялся весь комиціи, сооруженный въ формѣ *templum*. Теперь онъ комиціи оставилъ, замѣнивъ его болѣе подходящими рострами. Стела съ надписью поставлена на маленькомъ треугольномъ выступѣ, который самъ имѣетъ двѣ ступени и пристроенъ къ одному изъ угловъ квадратной площади съ ступенями. Кто спускался по этимъ ступенямъ или стоялъ на площади, какъ разъ имѣлъ предъ собою лицевую сторону стелы, на которой читается начало надписи. Компаретти поэтому вполне справедливо утверждаетъ, что стела принадлежала къ сзади лежащей возвышенной квадратной площадкѣ и находилась съ нею въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ съ площадкою „постаментовъ“. Отожествляя теперь, по примѣру Бони, загадочный *quadrato soi gradini* съ рострами, а для подкрѣпленія догадки признавая въ постаментѣхъ подставки исчезнувшихъ львовъ *pro rostris*, онъ выводитъ и болѣе цѣльное толкованіе надписи. По крайней мѣрѣ она болѣе прежняго приурочена къ окружающимъ памятникамъ. Одному только изъ памятниковъ не несчастливо отъ новаго объясненія. Это стоящій рядомъ со стелою усѣченный конусъ. Раньше ему Компаретти давалъ довольно важное назначеніе: служить пограничнымъ столбомъ для терминаціи комиціи. Но перемѣна обстановки теперь лишила конусъ всякаго серьезнаго значенія и превратила его въ пустое угловое украшеніе (*ἀκροτέριον*). Подобныхъ ему еще было три столбика, которые будутъ открыты при продолженіи раскопокъ, какъ въ томъ по крайней мѣрѣ увѣренъ Компаретти.

Коренной переработкѣ Компаретти пришлось подвергнуть прежнее толкованіе второй и третьей стороны надписи. Раньше *ripeta salientia* для него являлись ясно читаемыя въ надписи слова *reges, kalatores hab...* и *ioumenta*. Смыслъ, связывающій эти слова по предположенію автора, былъ такой, что рексу (*reges sc. sacrorum*), въ видѣ исключенія, по божественнымъ законамъ давалось право ѣздить по комицію, только съ тѣмъ, чтобы калаторъ, если рексъ захочетъ, правилъ колесницей возжани. Въ праздникъ же регифугіи колесницу рекса



должны возить лошади, ведомыя на уздѣ<sup>1)</sup>. Это не особенно глубоко-мысленное постановленіе закона о ѣздѣ рекса по комицію сдѣлалось бы полною бессмыслицею въ новомъ примѣненіи закона, вмѣсто комиція, къ святости ораторской трибуны. Компаретти теперь (стр. 17) съ большимъ достоинствомъ заявляетъ, что послѣ напруженной и повторительной провѣрки подлинника надписи узналъ, что „испарилось ясное чтеніе“ буквъ N передъ AI (строка 4) и буквы C передъ IOD въ 10-й строкѣ. Мнимая буква C, оказывается, не буква, а ипа *gottuga semicirculari*, полукруглый слѣдъ откола. Это палеографическое открытіе принуждаетъ автора отказаться не только отъ прежняго своего чтенія, но и отъ прежняго объясненія всего мѣста надписи. Оно разбивается теперь на двѣ части. Въ первой, вмѣсто прежняго разрѣшенія ѣзды по комицію, рексу вмѣняется въ обязанность совершать очистительныя церемоніи<sup>2)</sup> въ случаѣ оскверненія или разрушенія священнои ораторской трибуны, къ какому преступленію, по мнѣнію Компаретти, относилась первая статья закона. Вторая часть постановленія, отдѣленная теперь отъ первой, оставлена приблизительно при прежнемъ смыслѣ: предписывается ѣздить мимо священнаго мѣста, ведя лошадей на уздѣ. Четвортый сторонѣ надписи придается по прежнему такой смыслъ: запрещается проходить мимо этого мѣста днемъ рабамъ, ремесленникамъ или носильщикамъ.

Всѣ эти дополненія или объясненія Компаретти предлагаетъ съ большими оговорками, *timidamente*. Зато онъ считаетъ *di certissimo significato* предлагаемое имъ дополненіе начала надписи. Оно гласитъ: *quoi hon[se loqom sciens violasid] sakros esed; sord[eis quoi faxsid?]*. Дѣло въ томъ, что незначительныя проступки и относящіяся къ нимъ полицейскія правила во второй половинѣ надписи, во-первыхъ, очень худо вяжутся съ уголовнымъ преступленіемъ, предусматриваемымъ въ первой половинѣ. Во-вторыхъ, они сами по себѣ довольно странны, а потому и, въ-третьихъ, неслыханы во всемъ дошедшемъ до насъ литературномъ или эпиграфическомъ преданіи. Что касается дополненія начала надписи, то авторъ здѣсь чувствовалъ подъ ногами по крайней мѣрѣ известную почву, какъ бы она ни была, въ сущности, нетверда. Каждый, кромѣ знаменитаго глоттолога Чечи, пойметъ, что читаемыми въ началѣ надписи словами *qui hon..... sakros esed*

<sup>1)</sup> *Rei divin[ai] fas regei lo[co] agere, si] mave[lit.... e]quos, re[gere]..... ]m kalatorem hab[enas] regif[ul]gio iumenta capistro ducta v[ehant]o regis plostru[m].*

<sup>2)</sup> Срп. 18: *fas regi lo[cum] lustrare uti] mave[lit] iis diebus] quos ri[te] nefastos edixerit per suu[m] calatorem hab[endos].*

произносилось проклятіе, соединенное съ казнью (*consecratio caritatis*) надъ совершившимъ извѣстное преступленіе. Въ чемъ заключалось преступленіе, не видно, вслѣдствіе разрушенія верхней части стелы. Указательное мѣстоименіе *hanc* — другое дополненіе невозможно — заставляетъ предположить, что преступленіе относилось къ присутствующему на мѣстѣ предмету, вѣроятно священному, или же, какъ предполагалъ Компаретти, къ самому мѣсту, признаваемому священнымъ. Какого рода, однако, могло быть это нарушеніе святости мѣста, точное опредѣленіе котораго еще не найдено? Въ слѣдующемъ за *sakros esed* словѣ ясно читаются только буквы *sog*, такъ какъ далѣе уже разрушена поверхность камня. На сбитой поверхности видно еще слабое полукруглое углубленіе. Первый издатель надписи, Гамуррини, допускалъ возможность, что это остатокъ буквы, или *D*, или *S*. Гюльзенъ какъ въ прежней (*Berl. Phil. Woch.* 1899 стр. 1003), такъ и въ новѣйшей своей транскрипціи (*Das humanistische Gymnasium*, 1900, стр. 142), читаетъ только *sog* и ничего болѣе. Одинъ Компаретти рѣшилъ, что читается яснѣйшимъ образомъ (*clarissimo*) *sord*. Единственнымъ возможнымъ дополненіемъ этихъ четырехъ буквъ является слово *sordes*. Благодаря такому дополненію, Компаретти получилъ возможность сближенія хотя бы одной маленькой части надписи съ дѣйствительными законодательными памятниками римлянъ. Это дошедшій до насъ архаическій законъ колоніи Луцеріи, запрещающій оскверненіе священной рощи. Законъ начинается словами: *In hoc loucarid stircus ne quis fundatid neve cadaver profecitad neve parentatid*. Компаретти (стр. 15) ссылается еще на другой законъ *de luro sacro*, открытый въ Сполетѣ, гдѣ постановлено *Nonce loucom ne quis violatod neque exvehito neque exferro quod louci sit neque c(a)edito*. На основаніи этихъ двухъ аналогій возникло дополненіе Компаретти *quoi hanc[se loqom sciens violasid] sakros esed: sord[ei quoi faxsid?]*. Прямѣнность аналогіи, однако, очень сомнительна. Весьма естественно, что народъ имѣлъ склонность пользоваться пустыннымъ мѣстомъ въ рощѣ для свалки нечистотъ, экскрементовъ или падали, но употреблять подъ свалку или вмѣсто отхожаго мѣста ораторскую трибуну, это такая необыкновенная дикость, что едва ли требовала спеціальнаго предосторожнія со стороны законодателя. Что же касается *violatio*, нарушенія святости мѣста вообще, и другими проступками, то въ Луцеріи и Сполетѣ полагался за нее простой денежный штрафъ. Можно ли повѣрить Компаретти, что виновный въ подобномъ же проступкѣ

подвергался совершенно несоразмѣрному наказанію *consecratio capitis et bonorum*?

Считая возможнымъ, что за нарушение святости ораторской трибуны въ Римѣ полагалась *consecratio capitis*, Компаретти оставилъ безъ должнаго вниманія римскую традицію о примѣрахъ примѣненія названнаго наказанія. Примѣровъ такихъ приводится довольно много въ римской литературѣ <sup>1)</sup>. Очевидно, это учрежденіе древнѣйшаго уголовного права вызывало живое любопытство поколѣній, привыкшихъ къ болѣе гуманнымъ и мягкимъ наказаніямъ. Наше преданіе въ этой части римскаго права, надо думать, не только богато, но почти полно, что должно предостеречь отъ всякой попытки избрѣсти примѣры, не встрѣчающіеся въ традиціи. Компаретти, конечно, хорошо сознавалъ большую рискованность своей догадки. Поэтому онъ старался ее поднести подъ одинъ изъ традиціонныхъ примѣровъ консекраціи, а именно подъ известную *sacra lex tribunicia*. Ростры, заключаетъ онъ, одна изъ важнѣйшихъ принадлежностей трибуновъ. Слѣдовательно, нарушение святости ростръ должно было подлежать закону о святости трибуновъ. Заключение это, однако, неосновательно. Ростры, въ особенности въ болѣе древній періодъ республики, не присваивались однимъ трибунамъ, а наравнѣ съ ними, да еще и въ большей степени, общимъ магистратамъ всего римскаго народа, консуламъ и т. д. Кромѣ того, въ этомъ случаѣ особенное значеніе имѣетъ *argumentum ex silentio*. О содержаніи *lex tribunicia* до насъ дошли какъ разъ особенно подробныя и полныя извѣстія, но о святости ростръ въ нихъ ничего не сказано. Не говорится о консекраціи нарушителей святости ростръ ни у Цицерона, ни въ остальной политической или исторической литературѣ, хотя дѣйствительно случались примѣры нарушенія, какъ напр. стаскиваніе съ ростръ трибуна (см. приведенныя у Компаретти мѣста Цицерона *in Vatın. 10, 24; de Invent. 2, 17, 52*). Настоящій законъ о святости трибуновъ поучителенъ еще и тѣмъ, что въ него вошли не только постановленія относительно личнаго наказанія виновнаго, но и точныя указанія, касающіяся до конфискаціи и публичной продажи его имущества. Это вполне согласно съ извѣстнымъ опредѣленіемъ у Феста: *Sacrae leges sunt, quibus sanctum est, ut qui quid adversus eas fecerit, sacer alicui deorum sit cum familia pecuniaque*. Мы привыкли римлянъ считать образцовыми законодателями, а потому

<sup>1)</sup> См. Л. Ланге, *De consecratione capitis et bonorum disputatio* (Kleine Schriften 2, 91 сл.).

**ЖУРНАЛЪ**  
**МИНИСТЕРСТВА**  
**НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

---

**СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ**  
**ЧАСТЬ СССХХІІ.**

---

**1900.**

**ДЕКАБРЬ.**



**С.-ПЕТЕРБУРГЪ.**  
Типографія „В. С. Балашевъ и К<sup>ча</sup>“. Наб. Фонтанки, 96.  
**1900.**

А. Е. Грузинский. П. В. Шейнъ (некроль) . . . . .	61
Вл. И. Фарнаковскій. Създы учителей начальныхъ училищъ, прежде и теперь . . . . .	72
— Материалы для журнальной отчетности . . . . .	94

**ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.**

А. Ф. Эрманъ. Могилы Ромула . . . . .	97
А. В. Никитскій. Аіτωλικά II . . . . .	113
О ВЪЯВЛЕНІЯ. . . . .	4—5

Редакторъ Э. Радловъ.

(Вышла 1-го декабра).

намъ невозможно вѣрить въ приписываемую имъ у Компаретти *lex sasgata* такого рода, что отсутствовали бы въ ней всѣ подробности, относящіяся къ самой консекраціи, а вмѣсто нихъ была бы рѣчь о разныхъ другихъ безсвязныхъ между собою предписанійхъ.

Компаретти слишкомъ увлекся принятымъ имъ довольно ненадежнымъ чтеніемъ *sgd* вмѣсто *sg*, установленіемъ котораго удовольствовались два не менѣе опытные и знаменитые эпиграфиста, Гамуррини и Гюльзенъ. Компаретти поставилъ своею цѣлью предложить ученому міру вполнѣ надежное и „критическое“ изданіе, въ замѣнъ officialнаго изданія Гамуррини. Осмѣливаемся сомнѣваться въ полной критичности новаго изданія. По нашимъ, можетъ быть не компетентнымъ, понятіямъ необходимо было бы принципиальное соблюденіе критическаго правила, стоящаго въ зависимости отъ нынѣшняго состоянія камня. Стола разбита неровно, такъ что на верхнемъ краѣ мѣстами откололась вся поверхность. Здѣсь видны, однако, разныя углубленія, большею частью кругловатая. Возможно, конечно, что въ числѣ ихъ находятся очертанія разрушенныхъ буквъ, но, безъ сомнѣнія, между ними есть и простыя выбоины или трещины, какія могли образоваться или при разбиваніи камня или отъ разложенія его, вслѣдствіе сырости. Особенное вниманіе заслуживаютъ кругловатая углубленія двухъ различныхъ размѣровъ. Одни, меньшія довольно глубокія дырочки, встрѣчаются на той части поверхности, которая въ общемъ осталась въ цѣлости. Другія побольше и имѣютъ полукруглую форму. Компаретти въ первой статьѣ своей о надписи вѣрно замѣтилъ, что дырочки произведены острымъ орудіемъ, напимѣръ, киркою (*rissoie*). Если представить себѣ, что у этой кирки или мотыги былъ одинъ конецъ острый, клювомъ, а другой—полукруглымъ ребромъ, заступомъ, тогда объяснялись бы очень легко полукруглыя выбоины на верхнемъ краѣ камня. Таково полукруглое углубленіе въ строкѣ 5, послѣ L, принимаемое еще у Компаретти за остатокъ буквы O, что, однако, невозможно уже потому, что этии O закрывалась бы поперечная черточка у L. Въ концѣ строки 10-й самъ Компаретти допускаетъ una *rottura semicircolare*; слѣдовало бы допустить такую же *rottura* также послѣ SOR. Вообще необходимо придерживаться правила, при толкованіи надписи не придавать никакого значенія всѣмъ сомнительнымъ буквамъ, по догадкѣ читаемымъ на разрушенномъ краѣ камня.

Если же слѣдуетъ держаться правила, при дополненіи принимать въ расчетъ только тѣ буквы, которыя ясно читаются на

неразрушенной поверхности камня, оставляя въ сторонѣ углубленія на разрушенномъ верхнемъ концѣ, которыя могутъ быть или слѣдами буквъ, или просто слѣдами случайныхъ ударовъ, то необходимо принять къ руководству основанное на строгомъ соблюденіи этого правила новѣйшее чтеніе надписи, предлагаемое Гюльзеномъ (*Das humanistische Gymnasium*, 1900 г., стр. 153):

- |                      |                                    |
|----------------------|------------------------------------|
| 1. QVOIHOI. . . .    | 8. . . . M KALATO                  |
| 2. . . . . SAKROSES  | 9. REM NAP . . . .                 |
| 3. EDSOR . . . . .   | 10. . . C(?)IOO IOVXMEN            |
| 4. . . . . IAS(?)IAS | 11. TA KAPIA DOTAV. . .            |
| 5. RECEI L . . . . . | 12. MITE R <sup>1)</sup> . . . . . |
| 6. . . . . EVAM      | 13. . . . . M QVOINA               |
| 7. QVOS RI . . . . . | 15. . . . . ODIIOVESTOD            |
16. OIVOVIOD

Это чтеніе, незначительно только отличающееся отъ перваго чтенія Гамуррини въ *Notizie d. sc.*, должно лечь въ основу всѣхъ объясненій и дополненій надписи, а не чтеніе Компаретти, хотя оно, вѣроятно изъ любезности къ знаменитому итальянскому ученому, рекомендуется тѣмъ же Гюльзеномъ. Чтеніе Гюльзена и Гамуррини подкупаютъ еще и тѣмъ, что ни тотъ, ни другой не занимались объясненіемъ и дополненіемъ надписи. Слѣдовательно, имъ легче было отнестись къ чтенію ея объективнѣе, чѣмъ Компаретти, у котораго по неволѣ спутались двѣ задачи, объективнаго установленія текста и субъективнаго отгадыванія смысла.

Изъ новыхъ попытокъ возстановленія надписи появилась только одна, предлагаемая болонскимъ профессоромъ К. Моратти (*La iscrizione arcaica del Foro Romano ed altre*, Болонья 1900 г.). Съ содержаніемъ ея мы могли познакомиться только изъ отзывовъ Гюльзена и Вальери <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Послѣ R еще замѣтны двѣ hastae прямыя и почти параллельныя, которыя у Компаретти дополняются RE[R]. Пользуемся случаемъ, чтобы отказать отъ своего прежняго чтенія и дополненія этого мѣста: i(n) ter[am fodiando, такъ какъ читать A послѣ ter невозможно. Вторая hasta можетъ быть начальномъ черточкомъ буквы M, а первая—I, такъ что можно подуматъ о дополненіи tau[roi stati]m i(n)teri[mentur].

<sup>2)</sup> Гюльзенъ, *D. hum. Gymn.* 1900 г., стр. 155; Вальери, *Fanfulla della domenica* 1900 № 25.

Авторъ сюжетомъ надписи считаетъ совершенно неизвѣстный до сихъ поръ, довольно фантастическій законъ о заключеніи брака и порядкѣ передачи свадебныхъ подарковъ. Между прочимъ, царю ставится въ обязанность отвозить всѣ свадебные подарки въ своей собственной каретѣ (iouxmentum).

Дополненія занимаютъ въ пять или шесть разъ больше мѣста, чѣмъ сохранившійся текстъ надписи, такъ что вся стела рассчитана въ невѣроятную вышину (больше трехъ метровъ). Допущены значительныя отступленія отъ вѣрнаго чтенія, напримѣръ ak dos вмѣсто sakgos, uximenta вмѣсто iouxmenta и т. п. Все возстановленіе производитъ впечатлѣніе ученой шутки. Авторъ предчувствуетъ общій страшный хохотъ надъ всѣми попытками возстановленія, когда въ одинъ прекрасный день будетъ открыта отломанная верхняя часть стелы. Тогда онъ надѣется, что самъ весело будетъ смѣяться надъ своимъ ученымъ произведеніемъ.

Весьма своеобразное объясненіе дано надписи стелы докторомъ Рихардомъ Фрезе <sup>1)</sup>. Усматривая въ читаемыхъ въ надписи сочетаніяхъ буквъ karia и havelod арханческія формы словъ саере „лукъ“ и halum „полевой чеснокъ“, Фрезе предлагаетъ всю надпись отнести къ культу душъ покойниковъ, такъ какъ въ немъ употреблялись и лукъ, и чеснокъ. Hālum, говоритъ авторъ, сокращено изъ havelom, какъ шало изъ shavelo. Аналогія эта однако совершенно произвольна. Фрезе оставилъ безъ вниманія давно извѣстное уже происхожденіе словъ halum или halus, по правильному писанію alum, alus. Они одного происхожденія съ allium, чеснокъ, т. е. производятся отъ hālage, правильнѣе ālage „пахнуть“. Давно извѣстно, между тѣмъ, что этотъ глаголь (h)alo (вмѣсто \*apelo) принадлежитъ къ индоевропейской основѣ an ape „дышать, вѣять, пахнуть“, отъ которой производятся āveros, anima animus, apēlo, др.-грч. anai дыханіе, ютск. anai бп „дышать“, дрсл. воня odor, halitus, скр. aniti „дышать“. Слѣдовательно, здѣсь мѣста нѣтъ никакому havelod. Относительно каріа еще по крайней мѣрѣ есть фонетическая возможность сближенія съ сѣре лукъ, если допустить существованіе двухъ разныхъ степеней чередованія гласнаго (ē : a) <sup>2)</sup>. Можно только удивляться наивности автора, который беретъ изъ двухъ словъ, выхваченныхъ на удачу и снабжаемыхъ имъ или совсѣмъ неправильнымъ, или сомнительнымъ объясненіемъ,

<sup>1)</sup> Beilage zur Münchener Allgemeinen Zeitung № 108, отъ 11 мая 1900 г.

<sup>2)</sup> Фрезе есмляется на глоссу χάκια τὰ σκόροδα. Керувίται. См. Фикка Vgl. W. 1, 421: oder сѣре: χάκια mit Ablaut ē : a?



объяснить цѣлую надпись. При этомъ ему и въ голову не пришла мысль, что передъ нимъ не какое-нибудь сакральное предисловіе, а, какъ видно изъ первыхъ словъ надписи, опредѣленнаго рода законъ, *lex sacrata* <sup>1)</sup>).

Римскій профессоръ языковѣдѣнія и доцентъ древнеиталийскихъ нарѣчій, Л. Чечи, въ одинъ годъ успѣлъ напечатать три записки, въ которыхъ онъ даетъ или дополнительные замѣтки, или поправки къ первоначальному своему комментарию, вошедшему въ официальный докладъ (*Notizie degli scavi 1899, Maggio*). Докладъ этотъ, вслѣдствіе давленія со стороны администраціи, былъ составленъ очень спѣшно. Чечи по этому поводу счелъ нужнымъ сообщить, что записка его, въ 25 страницъ, была написана въ 5 дней. Благодаря такой поспѣшности, а можетъ быть, и односторонней его подготовки, Чечи не замѣтилъ въ надписи самаго важнаго, что составляетъ собственно краеугольный камень для ея объясненія. Онъ не понялъ, что въ начальныхъ словахъ надписи (*quoi—saktos esed*) сохранилась обычная формула законовъ, въ которыхъ назначалось наказаніе, называемое по римскому праву *consecratio carpitis*, другими словами, *leges sacratae*. Вполнѣ заблуждаясь такимъ образомъ относительно общаго содержанія надписи, онъ сочинилъ такое возстановленіе ея, которое смѣло можно назвать отъ начала до конца фантазією, основанною на одной лингвистической возможности. Въ послѣдующихъ запискахъ Чечи, удивительнымъ образомъ, все еще не понялъ или не хотѣлъ понимать допущенную имъ основную ошибку, а прибавляетъ, напротивъ; къ своей прежней лингвистической импровизаціи все новые варианты, подчасъ отстаивая ее противъ недовольныхъ критиковъ болѣе или менѣе рѣзкими словами <sup>2)</sup>).

<sup>1)</sup> Распутываніемъ чудовищнаго *havelod* занялся еще фрейбургскій проф. Турнейзенъ. Онъ вѣрно угадалъ, что на надо отдѣлать отъ *velod* и считать формую указательнаго мѣстоимѣнія *hic haec hoc*. Принимая *velod* за аблативъ предполагаемаго имени существительнаго *velom=voluntas*, Турнейзенъ встрѣтилъ то затрудненіе, что на не согласуется съ *velod*. Наша работа, въ которой дается простой выходъ изъ затрудненія, Турнейзену, по видимому, была неизвѣстна. Чтобы согласовать *velod* съ раздѣленнымъ казуною *iovedod = iusto*, онъ рѣшился на очень сложную и насильственную *logic*, прибѣгая къ опрокидыванію всѣхъ строкъ четвертой стороны надписи. Начиная читать отъ *oivo, viod* (стр. 15) съ низу вверхъ до 12-ой строки, онъ благополучно доходитъ до *iovedod velod = iusta voluntate* или *iusto dilectu*, а на присоединяется къ *in quoi*. Что и требовалось доказать.

<sup>2)</sup> L. Ceci: Nuovo contributo alla interpretazione dell' iscrizione antichissima

Въ послѣдней своей запискѣ (*Nuove osservazioni etc.* стр. 85 = отд. отт. 20 сл.). Чечи между прочимъ счелъ необходимымъ подвергнуть критическому разбору нашу скромную попытку объясненія<sup>1)</sup>, съ цѣлью обличить встрѣчающіяся въ ней „*inesattezze filologiche e glottologiche*“. Особымъ побужденіемъ для Чечи послужило то обстоятельство, что одинъ изъ итальянскихъ критиковъ о нашихъ дополненіяхъ отозвался какъ о *più semplici, meno amplii, e più latini di altri propositi*. Надпись форума, вѣроятно, самый древній изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ римской письменности. Приблизительно одинаковой съ нею древности только римская надпись Дуена и пренестская—Нумасія, да еще нѣсколько надписей Лация, состоящихъ изъ одного, двухъ словъ или именъ собственныхъ. Отъ древнѣйшихъ для насъ латинскихъ писателей Эннія, Катона и Плавта наша надпись отстоитъ, по крайней мѣрѣ, на два столѣтія. Понятно, что въ такой промежутокъ времени латинскій языкъ успѣлъ болѣе или менѣе измѣниться, какъ въ отношеніи лексикальнаго его состава, такъ и грамматическихъ формъ. Кто принимается за объясненіе нашей старинной надписи, тому необходимо до извѣстной степени прибѣгать къ догадкамъ относительно измѣненій, которымъ могли подвергнуться въ два столѣтія слова и грамматическія формы. Чѣмъ меньше предполагаемыя формы удаляются отъ засвидѣтельствованныхъ въ преданіи формъ и словъ древнелатинскаго языка и признанныхъ въ немъ законовъ фонетическихъ и грамматическихъ, тѣмъ надежнѣе должны показаться допускаемыя необходимыя конъектуры. Методическая ошибка Чечи состояла въ томъ, что онъ не постарался по возможности ближе придерживаться традиціоннаго латинскаго языка. Обладая широкою начитанностью въ области другихъ древне-италійскихъ нарѣчій, кромѣ латинскаго, а также и въ индоевропейской сравнительной грамматикѣ, онъ съ своими конъектурами сразу ушелъ въ эти области, уже чрезчуръ отдаленныя отъ латинскаго языка третьяго или втораго столѣтій. Виновата въ этомъ, можетъ быть, была также та неимовѣрная древность, которую Чечи приписываетъ нашей надписи. Результатомъ чрезмѣрнаго разобщенія надписи отъ позднѣйшаго вида латинскаго языка является цѣлый рядъ предполагаемыхъ словъ, ко-

del Foro Romano (*Rendiconti della R. Accad. dei Lincei, Cl. di sc. mor. etc.* 1899 стр. 16 сл.). — *La iscrizione del Foro Romano e le Leges regiae* (*ibidem* 1900 стр. 18 сл.). — *Nuove osservazioni sulla iscr. ant. del F. R.* (*ibid.* стр. 68 сл.).

<sup>1)</sup> См. Извѣстія Императорской Академіи Наукъ 1899 г. XI, стр. 263—274.

торыя Чечи самъ называетъ *voci nuove e ignote alla grammatica storica e al lessico latino*, напримѣръ *veigead, mentorem* авгура, *inim, koised, im, havelod, sorgus* свинья, *ioix* молитва. Особенно типичнымъ примѣромъ для метода Чечи можетъ служить объясненіе читающагося въ надписи слова *ioixmentum*. Кто дорожить установленіемъ связи съ традиціоннымъ латинскимъ языкомъ, тотъ ни на одну минуту не усомнится въ томъ, что здѣсь открылась новая архаическая форма извѣстныхъ намъ латинскихъ словъ *iugmentum* и *iumentum*. Чечи предпочелъ съ помощью умбрійскаго нарѣчія конструировать два новыхъ слова *ioix* и *mentum*. Именно это невниманіе Чечи къ историческому преданію специально латинскаго языка побудило нѣкоторыхъ трезвыхъ критиковъ назвать его возстановленіе надписи „не латинскимъ“ и признать наше объясненіе „болѣе латинскимъ“, въ виду того, что оно вездѣ старается оставаться на почвѣ латинскаго словаря, допуская только для нѣкоторыхъ извѣстныхъ намъ словъ необходимое и законное существованіе неизвѣстныхъ намъ до сихъ поръ архаическихъ разновидностей.

Римскій глоттологъ на обвиненія въ чрезмѣрной склонности къ отступленіямъ отъ грамматики и лексикона латинскаго языка отвѣчалъ до сихъ поръ насмѣшками на ограниченную привязанность противниковъ къ традиціи. Вступая теперь въ борьбу съ нами, Чечи избралъ совершенно новую тактику. Принимая на себя роль строгаго защитника традиціи, онъ немилосердно осуждаетъ каждое малѣйшее наше отступленіе отъ точныхъ свидѣтельствъ письменныхъ латинскихъ памятниковъ. Во вновь открытой надписи (строка 2: *esed*), какъ и въ однородныхъ съ нею по времени надписяхъ Дуена и Нумасія, окончаніе 3 лица единственнаго числа писалось черезъ—*d* вмѣсто первичнаго—*t* (*fefaked, sled, asted, feced*). Въ указанныхъ короткихъ надписяхъ случайно нѣтъ ни одного примѣра глагольной формы множественнаго числа, вслѣдствіе чего нельзя съ полною увѣренностью сказать, распространялось ли писаніе съ — *d* также на соответствующее окончаніе 3-го лица множественнаго числа. Этотъ орфографическій вопросъ почти равнялся бы такому вопросу русскаго правописанія: если бы считалось правиломъ писать *неседѣ, пахнедѣ*, не считать ли тогда послѣдовательнымъ писаніе *несудѣ, пахнудѣ*, тѣмъ болѣе что невольно чувствуется однородность признака 3-го лица множественнаго числа съ тѣмъ же признакомъ единственнаго числа. Принимая во вниманіе частое въ древне-латинскихъ надписяхъ опущеніе въ глагольномъ окончаніи 3-го лица множественнаго числа носового

звука (например, *dedrot, istituerut, emerut, fecerut*), мы нашли возможнымъ въ формахъ *velod* (*quod ha velod=qui haec volunt*) и *voviod* (= *voveont*) усматривать глагольныя формы 3-го лица множественнаго числа, соответствующія формахъ единственнаго числа *faced asted esed* (въ нашей надписи)<sup>1)</sup>. Чечи, который самъ несколько не останавливался передъ изобрѣтеніемъ *per coniecturam* новыхъ именъ существительныхъ *havelom* (= *auspicium*) и *voviom* (= *volunt*), приходитъ въ великое изумленіе отъ нашей маленькой конъектуры: это-де дѣло неслыханное ни въ латинскихъ надписяхъ, ни въ италійскихъ нарѣчіяхъ, ни въ индоевропейскомъ мірѣ, чтобы окончаніе — *nt* писалось черезъ — *d* въ концѣ! Между окончаніями 3-го лица единственнаго и множественнаго числа лежить громадная пропасть, также какъ и между окончаніемъ — *nt* настоящаго времени и перфекта (правонаписаніе *dedrot, emerut* и т. д. случайно сохранилось только въ перфектахъ)<sup>2)</sup>. Далѣе, Чечи относительно невозможности ослабленія носового въ *velod* и *voviod* ссылается на *louxmēnta*, при чемъ умышленно умалчиваетъ о различіи по ударенію.

Что касается предполагаемыхъ нами древне-латинскихъ формъ *soi=si, familliasias=familiarias* (см. *militarius, singularius* у Плавта) и *ha=haec*, Чечи не можетъ не согласиться съ ихъ правильностью, но отвергаетъ ихъ все-таки на томъ основаніи, что эти формы не засвидѣтельствованы другими памятниками. Наконецъ, Чечи выражаетъ свое полное неодобреніе предлагаемому нами дополненію *sor[som]*. Онъ допускаетъ, что произношеніе *sorsum* вмѣсто *seorsum* встрѣчается уже у Плавта, также какъ и въ *sententia Minuciorum* (С. I. L 1, 199) пишется то *dorsum*, то *deorsum*, что опять доказываетъ переходъ звука *e* въ кратчайшій полугласный. Но допускать подобное

<sup>1)</sup> Въ концѣ словъ звуки *d* и *t* послѣ гласныхъ, по своему произношенію, какъ извѣстно, было очень похожи одинъ на другой. Поэтому писалось *arud* и *arut*, *haud* и *haut*, *aliquot* и *aliquod* и т. д.

<sup>2)</sup> Чечи былъ бы правъ, если бы суть вопроса была въ лингвистическихъ соображеніяхъ. Въ праиталійскомъ языкѣ, можетъ быть, была разница между окончаніемъ — *nti* первичныхъ временъ и — *nt* вторичныхъ. Въ латинскомъ языкѣ такой разницы нѣтъ. Окончаніе *nt* (ont) 3-го лица настоящаго времени въ *volunt, fugiunt, emunt* произносилось совершенно одинаково какъ въ перфектахъ *voluerunt, fugerunt, emerunt*. Если произносили *dedrot*, возможно и произношеніе *velot, voviot*. Независимъ отъ этого другой вопросъ, орфографическій или фонетическій, возможно ли было писать *velod, voviod* вмѣсто *velot voviot*, какъ писалось въ единственномъ числѣ *feced, esed* вмѣсто *fecet eset*.

сокращение въ нашей надписи, по мнѣнію Чечи, невозможно потому, что съ одной стороны въ той же надписи встрѣчается не сокращенная форма *iouestod* = *iusto*, а съ другой *Il senso filologico esclude assolutamente l'ipotesi che in un antichissimo monumento pubblico, nella *inscriptio-princeps* si possa ricostruire un *sorsom*, форма взятая-де изъ *raglar veloce*, изъ говора обыденной жизни. На это мы возразимъ, что сравнить *sebrsom* съ *iouestod* неудобно потому, что здѣсь опять рѣшительную роль играетъ разница по ударенію. Мы затрудняемся отвѣтить на другую мысль нашего оппонента, что писецъ или рѣзчикъ могъ предчувствовать, что писалъ или вырѣзывалъ *inscriptio-princeps*, древнѣйшую римскую надпись, а по этому торжественному поводу обязанъ былъ избѣгать звуковой ошибки въ правописаніи.*

Мы не думаемъ, чтобъ мелочныя и придирчивыя замѣчанія Чечи могли произвести на критическихъ читателей серьезное впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе мы позволили себѣ возразить на нихъ по существу и такимъ образомъ говорить *pro domo* потому, что нашелся уже критикъ, который безъ всякой критической оговорки подписался подъ замѣчаніями Чечи. Легко можетъ случиться, что найдутся и другіе критики, которые съ своей стороны почтутъ достаточно основательною критику, скрѣпленную уже двумя подписями. Первый одобритель Чечи—это пражскій профессоръ О. Келлеръ, выступившій въ нѣсколькихъ статьяхъ въ роли судьи по вопросамъ о надписи форума и ея толкованіяхъ <sup>1)</sup>. Келлеръ приобрѣлъ очень извѣстное и заслуженное имя въ другихъ областяхъ классической филологіи, но двумя своими малоудачными книгами *Lateinische Volksetymologie* и *Zur lateinischen Sprachgeschichte* показали, что иногда берется писать о вопросахъ, въ которыхъ онъ, несмотря на всю его эрудицію, собственно довольно некомпетентенъ <sup>2)</sup>. Не совѣмъ ясно, съ какою цѣлью Келлеръ напечаталъ свою статью о надписи форума. Въ статьѣ нѣтъ ни одного новаго факта, которымъ бы выяснились

<sup>1)</sup> Berl. Phil. Wochenschrift 1900 г. № 22—24, 35—36.

<sup>2)</sup> См. очень дѣльную рецензію Густава Мейера въ *Literar. Centralblatt* 1899 стр. 528. Здѣсь говорится между прочимъ: *Man fragt sich vergeblich nach der wissenschaftlichen Existenzberechtigung des Buches.* Рецензентъ далѣе находитъ, что въ другихъ областяхъ филологіи подобная книга была бы просто невозможной, *es sei denn dass es von einem Dilettanten geschrieben wäre.* Мейеръ въ заключеніе сожалѣетъ, что авторъ *sich auf ein Gebiet begeben hat, dem er hätte fern bleiben sollen.*

темныя мѣста надписи, если не считать, конечно, почти курioзныя открытія автора, что слово *et* въ надписяхъ „анахронизмъ“—Келлеръ кажется этимъ хотѣлъ выразить, что въ законахъ приняты были соображенія,—что законы, „какъ извѣстно всѣмъ знатокамъ“, всегда оканчивались словомъ *esto*, наконецъ, что послѣднее слово надписи *oivovio(d)* начертано рѣзчикомъ для забавы, что это простая игра буквъ. Почтенному профессору, по видимому, не пришла мысль, что съ одинаковымъ правомъ можно было бы счесть игрою буквъ его собственныя имя и фамилію: *Otto (K)elle(r)*. Не больше пользы, чѣмъ самостоятельныя мысли автора, принесетъ его оцѣнка чужихъ трудовъ. Наука мало выигрываетъ отъ личныхъ заявленій въ родѣ того, что ему, Келлеру, особенно нравится работа Компаретти, что восстановление надписи Эрманомъ довольно заманчиво, но имъ, Келлеромъ, нисколько не одобряется <sup>1)</sup>. Такъ какъ сужденія автора не подкрѣплены почти никакими доводами, а слѣдовательно и не похожи на правильный критическій разборъ, то опять спрашивается, для чего они напечатаны.

Въ послѣдней своей статьѣ Келлеръ опять возвратился къ нашей попыткѣ дополненія надписи, стараясь на этотъ разъ нѣкоторыми доводами подтвердить прежнее свое осужденіе. Въ найденной на форумѣ надписи мы признаемъ фрагментъ приписываемаго Нумѣ Помпилію закона о святости Термина <sup>2)</sup>. Противъ этого Келлеръ возражаетъ, что *terminum exarasse* только дополнено по коньектурѣ; въ надписи читается не *tau[ro]*, а только *tau....*; ясно читаемое же слово *ioumenta*, наконецъ, не обязательно понимать въ смыслѣ пары плуговыхъ быковъ, оно можетъ означать и пару ѣздовыхъ животныхъ. Все это совершенно вѣрно, неправильно только со стороны Келлера, что онъ избѣгаетъ упомянуть о главномъ нашемъ доводѣ, который позволяетъ именно дополнить и *Terminum exarasset*, и *tau[ro]*, а *ioumenta* понимать не въ какомъ-нибудь смыслѣ, а именно въ значеніи *boves aratores*. Найденный законъ, какъ видно изъ формулы перваго предложенія, одна изъ *leges sacratae*. Ни одинъ изъ законовъ этой категоріи не имѣлъ отношенія къ *iumenta*, кромѣ закона о Терминѣ. Почему Келлеръ не привелъ этого аргумента и не опровергъ его, какъ слѣдовало поступить серьезному оппоненту?

<sup>1)</sup> Келлеръ признается, что ознакомился съ нашею работою только въ то время, когда уже печаталась его статья.

<sup>2)</sup> *Pauli Epit. Festi*: Numa Pompilius statuit eum, qui terminum exarasset, et ipsum et boves sacros esse. Сл. Дюн. Алк. 2,74.

Келлеръ представилъ еще одно возраженіе противъ нашего объясненія надписи. Въ этомъ мѣстѣ форума, говоритъ онъ, никакъ не могло быть рѣчи ни о пограничномъ столбѣ (*terminus*), ни о пахотномъ полѣ, ни конечно о паханьѣ или выпаживаніи плугомъ пограничнаго столба. Эта мысль встрѣчается также въ краткомъ отзывѣ Гюльзена о нашей работѣ <sup>1)</sup>: „законъ Нумы относился къ преступленію, совершаемому за городомъ, на поляхъ. Чтобы желающій разрушить находившійся на комиціѣ столбъ для этого воспользовался парю быковъ, и чтобы законъ относился только къ этому специальному случаю [т. е. выпаживанію плугомъ термина комиціа], это такія представленія, что авторъ врядъ ли можетъ надѣяться на много одобренія“. Мы первые не совѣтовали бы вѣрить такой небылицѣ, какую намъ приписываютъ почтенные рецензенты. Сначала сѣшнимъ исправить маленькій недосмотръ, допущенный нами при печатаніи своей работы. Въмѣсто *quod non[ke terminom exagased] zakros esed—qui hunc terminum exagaverit, sacer erit*, можетъ быть, для ясности слѣдовало написать *Terminom*, хотя это безъ того было ясно изъ поясненій на стр. 271 нашей работы. Къ нашему удивленію, ни Гюльзенъ, ни Келлеръ не обратили вниманія или не сочли нужнымъ упомянуть о томъ, что загадочный конусъ, стоящій рядомъ съ надписью и не нашедшій себѣ до сихъ поръ никакого простого объясненія, по нашему убѣжденію, представлялъ собою не обыкновенный пограничный столбъ, а символъ бога Термина, святилище котораго, какъ мы думаемъ, находилось на этомъ мѣстѣ форума. Извѣстно, что, по представленію римлянъ, понятіе о богѣ *Terminus* совпадало съ понятіемъ о *terminus*, пограничномъ столбѣ. Съ одной стороны, римляне на Капитолѣ поклонялись Термину въ видѣ каменнаго столба (*terminus*), а любому изъ каменныхъ столбовъ на границахъ полей въ день Терминаліи поклонялись какъ Термину. Смѣщеніе какого-нибудь пограничнаго столба на поляхъ—самымъ обыкновеннымъ, а потому типичнымъ примѣромъ этого преступленія, очевидно, являлось для законодателя *exagage*—считалось святотатствомъ по отношенію къ *Terminus*, тождественнымъ съ *terminus*. Безчисленные *termini* и *Termini*, гдѣ бы они ни находились, въ самомъ-ли городѣ Римѣ или за стѣнами его, на поляхъ, считались всѣ однимъ и тѣмъ же Терминомъ. Законъ, обезпечивающій его святость, какъ и всѣ законы римскіе, обязательно должно было выставить въ извѣстномъ общественномъ мѣстѣ.

<sup>1)</sup> Das humanistische Gymnasium 1900 г. стр. 155.

Какое же мѣсто болѣе подходило для этого, если не центральное мѣсто поклоненія Термину, его городское святилище, гдѣ ему приносились *васа publica*, жертвы отъ имени римскаго государства? По такому побужденію, полагаемъ, стела съ закономъ о Терминѣ была поставлена рядомъ съ конусообразнымъ символомъ Бога. На Термина, какъ присутствующаго въ томъ мѣстѣ, въ надписи указывалось указательнымъ мѣстоименіемъ: кто Термина этого, т.-е. рядомъ присутствующаго, выпашетъ (конечно, на какомъ нибудь пахотномъ полѣ, гдѣ повсюду находился тотъ же Терминъ), тотъ будетъ проклятъ вмѣстѣ съ причастными къ дѣлу быками (*ioumenta*). Предполагая, что своеобразныя понятія римлянъ о *TERMINVS*, *Terminus* или *terminus*, хорошо извѣстны всякому, кто занимается римскою древностью, мы считали ненужнымъ много распространяться о нихъ. Во всякомъ случаѣ мы никогда не могли имѣть приписываемое намъ Гюльзеномъ и Келлеромъ „представленіе“, что на форумѣ находилось пахотное поле, по которому за плугомъ, запряженнымъ парюю быковъ, ходилъ римскій землепашецъ, долженствовавшій опасаться задѣть плугомъ стоявшій тамъ же одинокій пограничный столбъ, такъ какъ за выпашиваніе исключительно этого столба Нумою была назначена смертная казнь. Весь этотъ абсурдъ введенъ нашими рецензентами вслѣдствіе односторонняго пониманія слова *TERMINVS* въ исключительномъ смыслѣ *terminus*, пограничный столбъ, а затѣмъ посредствомъ особеннаго подчеркиванія выдѣляющей силы указательнаго мѣстоимѣнія *hic*. Гюльзенъ переводитъ *qui hinc terminum exaraverit, sacer erit*, „кто вырветъ плугомъ *этотъ* пограничный столбъ (а не другой), будетъ проклятъ“. Мы же переводимъ: „кто вырветъ плугомъ этого *Термина* (гдѣ бы то онъ ни находился), будетъ проклятъ“. Намъ могутъ возразить, что въ такомъ случаѣ слово *hic* лишнее, а обязательно было написать: *qui Terminum* и т. д., какъ у Павла-Феста: *Numa Pompilius statuit eum, qui terminum exarasset, et ipsum et boves sacros esse*. Но у древнѣйшихъ писателей латинскихъ мѣстоименіе *hic*, какъ у греческихъ *ὄδε*, прибавляется тамъ, гдѣ, по строгой логикѣ, оно не нужно. *Hic* и *ὄδε* указываютъ на лицо или вещь, находящіяся въ близкомъ отношеніи къ тому, кто говоритъ, или предъ его глазами, въ столь близкомъ разстояніи, что возможно указывать на предметъ или лицо пальцемъ или жестомъ. *Haec manus*, у Плавта, — *manus, quam ego ostendo*; *haec vasa* — *vasa, quae hic sunt*; *haec aedes* — *aedes cui ego asto*<sup>1)</sup>). Чисто указательное, не выдѣлительное значеніе мѣстоименій *hic*

<sup>1)</sup> См. Bach, De usu pronominum demonstrativorum apud priscos scriptores



и 88: еще болѣе явствуетъ въ томъ примѣненіи, которое у древнихъ грамматиковъ по преимуществу называется *δακτυλός*: напримѣръ, Илиада 20, 345 ἔγχος μὲν τόδε καίται ἐκί χθονός, „копье здѣсь лежитъ на землѣ“, Одиссея 1, 185 νηὸς μοι ἦδ' ἐστῆκεν ἐκ' ἀγροῦ, „мой корабль здѣсь лежитъ на сушѣ“; Софокль Ант. 758 τόνδ' Ὀλομκου; Эантъ 1389 τοῦτάρ σφ' Ὀλόμκου τοῦδ' ὁ κροβεῶων κατήρ. Пакувій ст. 86 (Ribb. Trag. p. 99) Hoc vide, circum supraque quod complexu continet Terram; Эний 280 (Ribb. p. 62) hoc lumen candidum claret mihi. Плавтъ Amph. 548 eamvis Amphitruo, luceſcit hoc iam; Теренцій Andr. 533 Nunc si quid potes aut tu aut hic Вуггіа. Другіе примѣры изъ латинскихъ поэтовъ собраны въ изданіи Лукана (кн. 4-я стихъ 601) съ комм. Корте и Вебера.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ указательное мѣстоименіе не служитъ для выдѣленія индивидуальнаго предмета изъ цѣлаго рода ему равныхъ. Поэтому и не нужно переводить *hic* Terminus *этомъ* Терминъ, въ противоположность къ другимъ Терминамъ, тѣмъ болѣе, что существовалъ только одинъ Терминъ. Нѣтъ никакого препятствія понимать *hic* Terminus въ значеніи *hic, qui hic adest, qui hic astat*, такъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, конусообразный символъ его находился рядомъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о двухъ новѣйшихъ рецензіяхъ, въ которыхъ подводятся итоги всей литературѣ объ архаической надписи форума. Обѣ рецензіи приходятъ къ крайне пессимистическимъ выводамъ. Авторъ первой рецензіи, Бартоломе <sup>1)</sup>, не входя ни въ какія подробности, считаетъ всѣ попытки объясненія и дополненія мало вѣроятными по той общей причинѣ, что невозможно знать, сколько буквъ слѣдуетъ предполагать въ отломанной части надписи. Пока не найдется этотъ кусокъ стелы, всѣ объясненія останутся-де „игрою фантазій, болѣе или менѣе научной“. Пока мы должны „удовольствоваться свѣдѣніемъ, что сюжетъ надписи составляетъ извѣстная *lex sacra*“. Это видно изъ того, что упоминаются *hex sacrosum* и *kalator*, и изъ читаемой въ началѣ формулы *qui ho... sakros esed*. „Къ какому, однако, преступленію относилась формула запрещенія и какого рода были наказанія, устанавливаемая закономъ во второй его части, объ этомъ ничего знать нельзя“. Съ

latinov, у Штудемунда Studien auf dem Gebiete des archaischen Lateins II стр. 149 слл.

<sup>1)</sup> Bartholomae, Wochenschr. f. klass. Phil. 1900. № 44.

удовольствием констатируемъ, что рецензентъ признаетъ вполне основательность двухъ главныхъ результатовъ нашего изслѣдованія: Онъ соглашается съ тѣмъ, что подлежащій объясненію законъ одна изъ *leges sacrae* и что во второй части его содержались детальныя постановленія о наказаніи виновныхъ въ нарушеніи закона. Первая истина осталась невыясненною у Чечи, а вторая у Компаретти. Еслибъ Бартоломе обратилъ вниманіе на то, что слово *iocumenta* встрѣчается во второй части надписи, значить относилось къ одному изъ спеціальныхъ постановленій о наказаніи виновныхъ, то онъ, по всей вѣроятности, смѣемъ думать, согласился бы еще съ третьимъ нашимъ выводомъ: единственная *lex sacra*, которой предусматривалось наказаніе не только людей, но и виновныхъ *iocumenta*, это былъ законъ Нумы о святости Термина. Этотъ фактъ проливаетъ свѣтъ и на характеръ преступленія, къ которому относилось запрещеніе въ первой фразѣ закона <sup>1)</sup>. Почтенный рецензентъ ошибается, если онъ къ признакамъ принадлежности нашего закона къ такъ называемымъ *leges sacrae*, кромѣ начальной формулы, причисляетъ еще упоминаніе въ надписи жертвеннаго царя и его прислужника, калатора. Бартоломе, вѣроятно, здѣсь смѣшалъ *leges sacrae*, законы относящіяся къ богослуженію, и *leges sacrae*. Еслибъ онъ пополнилъ свои познанія о юридическомъ характерѣ послѣднихъ, прочитавъ напримѣръ прекрасное изложеніе Моммзена (*Strafrecht* стр. 902), то онъ понялъ бы, что и четвертый выводъ нашъ о содержаніи закона стоитъ на достаточно солидной почвѣ. Имѣемъ въ виду предположеніе, что въ *lex sacra* необходимо была рѣчь о конфискаціи и продажѣ имущества (*rescilia familiae*) виновнаго въ пользу извѣстнаго божества. Соответствующая статья въ нашей надписи разрушена почти совсѣмъ, такъ что настаивать на томъ или другомъ дополненіи здѣсь особенно трудно. Все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что она помѣщалась на незанятой другимъ постановленіемъ второй сторонѣ стелы.

Другой, новѣйшій рецензентъ, В. Отто (*Archiv für lat. Lexikographie* т. XII стр. 113) заявляетъ, что результатъ его критиче-

<sup>1)</sup> Римскіе авторы изъ *leges sacrae*, особенно изъ тѣхъ, которые вошли въ сборникъ *leges regiae*, обыкновенно цитуютъ только первую фразу. Есть полное основаніе думать, что въ цитатѣ изъ *lex regia* о Терминѣ у Феста, особенно если сравнить его съ передачею содержанія закона у Діонисія, ничего существеннаго не пропущено. Поэтому считаемъ не совсѣмъ уместною увѣренность Бартоломе, что мы находимся въ полномъ мракѣ относительно приблизительнаго расчета длины строкъ.

скихъ разсужденій, какъ можно было предвидѣть, неутрадный. Но онъ надѣется достигнуть хотя бы одной цѣли, предостеречь въ будущемъ всѣхъ отъ дальнѣйшихъ попытокъ ломать голову надъ этимъ „жалкимъ фрагментомъ“ (elendes Bruchstück). Симпатичная человѣколюбивая цѣль рецензента, очевидно, внушила ему склонность разнести рѣшительно все, что до сихъ поръ признавалось вѣрнымъ. Изъ всей надписи можно вывести только одинъ несомнѣнный фактъ, что iuxmenta прежде писалось ioujmenta (стр. 111). Скромность автора не позволила ему, вѣроятно, указать на другой несомнѣнный фактъ, установленный имъ на стр. 107 въ формѣ простаго заявленія, что изъ надписи потеряно двѣ трети. Противъ всего остального, что было писано о надписи, можно найти, по мнѣнію Отто, какое-нибудь возраженіе. Мы позволяемъ себѣ оставить въ сторонѣ всѣ возраженія, которыми авторъ вооружился противъ нашихъ собратьевъ по объясненію надписи; пусть они сами разберутся. Ограничимся тѣмъ, что запасено въ его арсеналѣ противъ насъ. Мало удачна, говоритъ онъ, попытка Эimana объяснить и дополнить надпись. Онъ думаетъ о проклятій того, кто „выпадетъ“ столбъ Термина (Terminusstein), которымъ считаетъ нашъ cippius, хотя непостижимо, какъ возможно было совершать это преступленіе на форумѣ или комиціѣ. Въ грамматическомъ отношеніи интерпретація и дополненія „стоятъ на довольно слабыхъ ногахъ“. Затѣмъ слѣдуютъ такіа доказательства: мы „образовали формы по ложнымъ аналогіямъ, предполагая, что въ древнемъ латинскомъ языкѣ t въ глагольныхъ окончаніяхъ безразлично замѣнялось буквою d“. Это возраженіе заимствовано у Чечи, какъ первое, о невозможности пахать на форумѣ, у Келлера; о нихъ мы уже высказались выше. Отъ себя Отто еще прибавляетъ, что въ фразѣ *geum pesanto qui haec volunt* есть ошибка, также какъ въ конструкціи *qui hunc terminum exarasset, sacer erit*. Послѣдняя ошибка, *larsus calami*, дѣйствительно осталась въ оттискахъ нашей статьи, но исправлена въ оригиналѣ. Относительно первой замѣтимъ, что мѣстоименіе во множеств. ч. ср. р. можетъ относиться къ единственному числу имени существительнаго или къ цѣлому предложенію. Цицеронъ говоритъ *Tusc. 5, 21, 61 visne, quoniam .te haec vita delectat, ipse eadem degustare*, или *4, 30, 64 primo et proximo die disputatum est. Quae si probata sunt* и т. д. Впрочемъ, мы согласны, что лучше дополнить *geos pesanto, qui haec volunt*. Множественнымъ числомъ ioujmenta указано на повторительное совершеніе преступленія, виновныхъ паръ быковъ будетъ не одна. Также должна по-

вторяться казнь виновныхъ людей. Какъ у Цицерона *vita* и *disputatum est* составляется изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ дѣйствій, такъ и *geos pesanto* изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаевъ убіенія. Наконецъ, мы несогласны съ другимъ возраженіемъ, которымъ Отто желаетъ разрушить вѣру въ правильность объясненія важнаго перваго предложенія надписи. Въ словахъ *sakros esed*, говоритъ онъ (стр. 112), нѣкоторые видятъ будущее время, но *sacer erit*, въ смыслѣ *sacer esto* или *sit*, мало вѣроятно. Считаемъ это простою придиркою. Употребленіе изъяв. накл. будущаго времени вмѣсто повелительнаго наклоненія или конъюнктива явленіе перѣдкое <sup>1)</sup>.

Въ доказательство невозможности успѣшнаго объясненія древнѣйшей римской надписи, Отто, по примѣру другихъ скептиковъ, ссылается на то, что не достигнуто полнаго объясненія ни надписи Дуена, ни пѣсни саліевъ. Между тѣмъ эти тексты дошли до насъ въ цѣлости, не въ видѣ жалкаго фрагмента. Разсужденіе это не совсемъ правильно. И *carmen Saliage*, и надпись Дуена давно объяснены остроумными и въ высшей степени компетентными людьми, каковы Бюхелеръ, Моммзенъ и Жорданъ. Если послѣ нихъ еще остались не вполне выясненныя мѣста, виновато въ этомъ то, что первый памятникъ списанъ неисправными писцами, а надпись Дуена написана малограмотнымъ человѣкомъ. Вслѣдствіе этого недостатка, да еще очень стариннаго характера языка, неизбежно, чтобы даже лучшія толкованія носили нѣсколько конъектуральный характеръ. Съ этими необходимыми пробѣлами можно было бы помириться, отдавая должное тому, что было вѣрно отгадано. Вмѣсто этого мы видимъ, что недочеты для однихъ служатъ поводомъ отвергнуть то, что было хорошаго у предшественниковъ, и гоняться за совершенно новыми объясненіями при помощи самыхъ разнообразныхъ лингвистическихъ приемовъ. Другіе, отъ природы не склонные ни къ какимъ конъектурамъ ученые въ недостаткахъ прежнихъ и въ праздности новыхъ толкованій находятъ удобную опору для уничтоженія всего вопроса. Намъ кажется, что такая же судьба предстоить и объясненію вновь открытой римской надписи. Природный недостатокъ ея, что она сохранилась не вся, а вѣроятно, въ общемъ на половину. Еслибъ это была надпись позднѣйшаго періода, ни одинъ эниграфистъ, ду-

<sup>1)</sup> Изъ Кюнера *Ausführl. Gramm.* 2, 111 приведемъ: *Plaut. Asin.*, 372 *tu cavebis, ne me attiugas*; *Most.* 515 *non me appellabis, si sapis*; *Цид. Fam.* 14, 8 *si quid novi acciderit, facies, ut sciam*; въ 3-емъ лицѣ *Off.* 1, 6, 18 *quod vitium effugere qui volet, adhibebit diligentiam*.

маемъ, не считалъ бы дополненіе ея само по себѣ невозможнымъ дѣломъ. Въ сборникахъ греческихъ и латинскихъ надписей встрѣчается немало примѣровъ дополненія эпиграфическихъ памятниковъ подобнаго же или еще меньшаго объема. На помощь дополнителямъ приходило, смотря по роду надписи, множество готовыхъ формулъ и другихъ данныхъ эпиграфическихъ и литературныхъ. Для возможности примѣненія того или другого рода формулъ и т. п. требуется, конечно, чтобы дополнитель былъ ориентированъ вообще насчетъ содержанія надписи, государственный ли это декретъ, надгробіе, посвященіе и т. д. Литературныя и эпиграфическія пособія для дополненія нашей старинной надписи не могутъ быть не скудны, а потому и дополненіе ея вѣчно останется дѣломъ весьма условнымъ и конъектуральнымъ. Наука, тѣмъ не менѣе, вмѣняетъ намъ въ непремѣнную обязанность исчерпать по возможности всѣ данныя, сохранившіяся въ преданіи. Въ общихъ чертахъ эта задача исполнима. Не наше дѣло судить, выполнена ли эта задача нами. Надѣемся однако, что оцѣнка конъектуральной работы нашей не останется въ зависимости отъ сужденій ученыхъ, которые рады подвергать сомнѣнію чужія конъектуры за неимѣніемъ своихъ.

А. Эшманъ.

*(Окончаніе слѣдуетъ).*